ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

К.В. ВОРОБЬЕВА
(Волгоград)

PAIDEIA И HUMANITAS: РЕЦЕПЦИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В СОЧИНЕНИЯХ ЦИЦЕРОНА*

Рассматриваются особенности историко-педагогического изучения наследия Цицерона – проблемы педагогической герменевтики корпуса его сочинений и то, каким образом древнегреческий эталон образованного человека находит отражение в его философско-образовательной концепции. Дана историко-педагогическая оценка принципа «humanitas», оформившегося в сочинениях Цицерона, и охарактеризовано то, в каких именно случаях он обращался за подкреплением к сочинениям Платона и его пониманию образовательного идеала.

Ключевые слова: *древнегреческая педагогика, воспитание, образование, humanitas, paidea, Цицерон, Платон, Сократ.*

Время жизни политика, оратора, философа и наставника не по должности, а по сути Марка Туллия Цицерона пришлось далеко не на лучшие годы. Римская империя балансировала на грани войны и мира, но опиралась на истинных граждан, небезразличных к судьбе своего государства. Будучи одним из них, Цицерон предлагал возможные педагогические пути выхода из кризисного состояния. Его работы являют собой уникальные историко-педагогические источники, отражающие особенности римской рецепции греческой педагогической культуры. Противоречивость логики этой рецепции у Цицерона проявляется настолько ярко, что диссонирует с его вошедшим в века утверждением: «… в учёности и словесности всякого рода Греция всегда нас превосходила, – да и трудно ли здесь одолеть тех, кто не сопротивлялся?» (Cic. Tusc. I.I.3) [14, с. 208]. Обращение к греческому наследию было для Цицерона попыткой стать одним из немногих, кто именно сопротивлялся и всеми силами старался убедить соотечественников в возможности римского превосходства «в учености и словесности».

Анализ многочисленных биографических работ позволяет говорить о том, что Цицерон был всесторонне развитым человеком с незаурядными способностями. Отец оратора считал греческое образование самым хорошим, потому не разрешил сыну посещать одну из лучших латинских риторических школ Рима. В одном из несохранившихся и цитируемых древнеримским биографом Светонием писем Цицерон пишет, что немного жалел об этом (Suet. Rhet. 2), но греческие школы и их наставники всегда оценивались им положительно. Серьезное отношение к учению выделяло Цицерона на фоне многочисленных привилегированных молодых людей того времени, которые были отправлены отцами для обучения в Афины. Его юношеские переводы достаточно сложных древнегреческих текстов разных жанров на латинский язык были выполнены не по учебной необходимости, а по велению души. В более позднем возрасте Цицерон упоминает о многих греках, которые были его наставниками (mentors) или друзьями (familiares), принимали его в своем доме (hospites) – это Диодот, Патрон, Федра, Филон, Посейдония и др., с которыми у него были прекрасные взаимоотношения (Cic. Nat. Deor. I.6; Cic. Brut. 309; Cic. Fam. XIII. 1.2). Другом оратора был «учёнейший эпикуреец» Сирон (Cic. Acad. II. 106; Cic. Fam. VI. 11. 2) и Аттик, известный своей просветительской деятельностью и привязанностью к греческому образованию. В одном из писем Цицерон указывает брату на то, сколь многим они оба обязаны греческой культуре и образованию: «…то, чего мы достигли, мы получили благодаря наукам и искусствам, которые переданы нам в памятниках и учениях Греции. Поэтому, помимо доверия вообще, с которым мы должны относиться ко всем, мы, как кажется, кроме того, особенно обязаны людям этого рода: по отношению к тем, на чьих учениях мы воспитались, мы стремимся обнаружить то, чему мы у них научились» (Cic. Qu. fr. I.1.28) [3, с. 100].

Однако высокий уровень образования никогда не ставился современниками в заслугу Цицерону, а был предметом насмешек. Цицерон часто слышал за спиной: «“Грек!”, “Ученый!” – самые обычные и распространенные среди римской черни бранные слова» (Plut. Cic.5) [7, с. 340]. Он всегда оставался для современников «novus homo» («выскочка») –

* Работа выполнена в рамках проекта № 16-06-00004а, поддержанного грантом РГНФ.

© Воробьева К.В., 2016

тем, кто, скорее, волей случая попал во власть и всеми силами старается ее удержать. Такая характеристика достаточно долго не позволяла всерьез говорить о Цицероне как наставнике и рассматривать корпус его сочинений как своеобразную экспозицию образовательного идеала древнегреческих наставников. Переоткрытие педагогического наследия Цицерона во многом стало возможным благодаря французским просветителям XVIII в. Безжалостный насмешник Вольтер приходил в ярость, когда кто-то позволял себе смеяться над Цицероном. Он считал его сочинения лучшим, что создала когда-либо мудрость: «Пожалеем тех, которые не читают его; пожалеем еще более о тех, которые, читая его, не воздают ему справедливости!» (цит. по: [1, с. 14]). Ш.Л. Монтескье в «Рассуждении о Цицероне» называет его одним из немногих, кто «не дает наставления; но он делает их ощутимыми» [17, p. 734]. Эти и другие оценки даны именно с учетом той роли, которую Цицерон сыграл в популяризации греческой культуры и образования. Представители современных научных школ и направлений обращались к сочинениям Цицерона, в которых нашли отражение его идеи о воспитании и обучении современников с опорой на древнегреческих наставников разных периодов (О.В. Батлук, В.Г. Безрогов, А.М. Брагова, С.П. Быстрова, Е.В. Держивицкий, А.В. Карасева, Г.Г. Майоров, В.К. Пичугина, В.А. Титаренко, М.А. Полякова, J.J. Barlow, Th.B. Degraff, J.P. Zarecki, T.N. Mitchell, W.J. Nicgorski, R.R. Wellman и др.).

Однако, несмотря на постоянно увеличивающееся количество работ о Цицероне, до настоящего момента в корпусе его сочинений не были выделены педагогические тексты, в которых им осуществлена рецепция греческой педагогической культуры. Вопрос о том, как происходил процесс становления, развития и практического воплощения древнегреческого образовательного идеала в корпусе сочинений Цицерона, на данный момент является открытым. Реконструкция свода его воспитательных и дидактических идей является достаточно сложной задачей по преодолению концептуальных трудностей перевода педагогических стратегий Цицерона в общее представление о том, что на современном этапе следует считать воспитанием и обучением. Сочинения Цицерона стали границей, отделяющей paidea от humanitas, которые фиксировали представления о процессе и результате образования древнего грека, а затем римлянина. Особенностью римской humanitas, с точки зрения Цицерона, было то, что добродетель не была простой суммой sapientia (мудрость), pietas (благочестие), religio (почитание богов), constantia (постоянство) и fides (честность). Она должна была быть подкреплена savoir faire (умения, мастерство, сноровка, ловкость), которые особенно ярко «проявляются в остроумии и элегантности речи, в учтивом аристократизме и социальной изящности образованных литераторов» [16, p. 39]. Цицерон опирается на греческую концепцию paidea и предлагает римлянам свою концепцию humanitas, в рамках которой образование ценно не только в интеллектуальном, но и в деятельностном плане.

Несмотря на неоднозначность оценки, которую Цицерон давал в своих трудах древнегреческому наследию, греческая культура и образование определённо были близки ему. В трактате «Об обязанностях» Цицерон определяет свою деятельность по приобщению римлян ко всему греческому как педагогическую миссию: «Итак, среди величайших зол я все-таки, по-видимому, добился вот какого блага: я записывал все то, что не было достаточно известно соотечественникам и в то же время было вполне достойно того, чтобы они это знали» (Cic. Off. II.5)» [10, с. 100]. Все древнегреческие педагогические идеи, с которыми Цицерон соглашался или спорил, условно можно объединить вокруг трех тем, каждая из которых связана с одной из оппозиций: «власть–образование», «культура–образование» или «человек–образование».

Первая оппозиция предполагала переосмысление образовательных идеалов и воспитательной силы законов, которые скрепляют государство и работают на его процветание. Цицерон максимально заостряет тезис Платона о том, что человек не рождается для самого себя; он рождается для друзей и страны. По мнению ряда исследователей (Th.B. Degraff, J.P. Zarecki, W.J. Nicgorski, Г.Г. Майоров и др.), Платон был одним из тех, кого Цицерон почитал больше других и работами которого восхищался за блестящее выражение ключевых идей, в том числе педагогических. Никакой другой греческий философ не цитировался Цицероном так часто [9, p. 144] и не оценивался так положительно: «…он и сочетал в себе обаяние и тонкость рассуждений Сократа со свойственной Пифагору темнотой и его хорошо известной глубиной в большинстве областей знания» (Cic. Leg. I. X.16) [11, с. 13]. Несмотря на то, что Цицерона часто сравнивают с Сократом, он не всегда лестно отзывается о последнем, называя многие его выводы о госу-

дарстве и добродетели беспочвенными и граничащими с вымыслом. Из двух знаменитых учеников Сократа – Ксенофонта и Платона – он отдает предпочтение второму. Ксенофонт, как кажется Цицерону, дает читателю ошибочное представление о беседах своего учителя с учениками. Цицерон предлагает соотечественникам обратить внимание именно на Платона и рассмотреть волновавшие его вопросы «немного подробнее, чем этого требуют обычаи, существующие на форуме» (Cic. Leg. I. V.15) [11, с. 94]. Среди этих вопросов Цицерона особенно интересовали методы и средства воспитания идеального гражданина, существующего в пространстве идеального полиса и приносящего ему пользу. Для Цицерона исключительную важность имело воспитание гражданина, существующего в пространстве великой империи, но знающего и уважающего традиции древнегреческого ученичества.

Второй интересовавшей Цицерона темой были пути и способы построения образовательного пространства города, адекватного потребностям горожан. Цицерон проявлял педагогический интерес к оппозиции «образование – культура» и ставил в заслугу Платону то, что он «высылает Гомера, украшенного венками и умащенного благовониями, из того города, который он создает себе в своем воображении» (Cic. Leg. IV. V.5) [Там же, с. 72]. Во второй книге «Тускуланских бесед» он восхищается тем, что Платон выступил против воспитания поэзией, которое шло от Гомера, делало души изнеженными, подрывало «добрые нравы граждан и добрый порядок всего государственного устройства» [13, с. 139]. Отход Платона от гомеровского понимания воспитания гражданина кажется Цицерону не просто заслуживающим внимания, а позволяющим римлянам переосмыслить свое нынешнее состояние.

Отталкиваясь от тезиса Зенона о том, что единственное благо – это честное, а единственное зло – это бесчестное, Цицерон сопоставляет Старую Академию и Академию по Платону и Аристотелю. Он приходит к выводу о том, что разногласия возникли «не по существу, а насчет слов» (Cic. Leg. I. VI.18) [11, с. 94]. Все эти разногласия легко снимаются, поскольку город выступает помощником для всех желающих реализовать свои образовательные возможности, балансируя между «благом» и «злом». Желая создать в Риме свою Академию, Цицерон предлагает рассматривать его как последователя и Сократа, и Аристотеля, некогда решивших «учить юношей хорошо говорить». В «Законах» Цицерон рассказывает, как в свое время организовал такое учение на своей Тускуланской вилле: устроил для друзей декламации на судебные темы, вел их как лекции «пять дней и записал в пяти книгах» (Cic. Leg. I. IV.8) [Там же, с. 209]. Теперь же, когда эти уроки «на греческий лад» остались в прошлом, Цицерон сообщает, что решил записать свой опыт и сравнить с опытом греческих наставников, рассматривающих образование как определенный образ жизни и органичный контакт с культурой через регулярные занятия [15, p. 108].

Третья интересовавшая Цицерона оппозиция – «человек–образование» – предполагала обсуждение вопросов, касающихся образа жизни того, кто далек от добродетели или, напротив, близок к ней. Как и Платон, Цицерон выделяет четыре добродетели (мудрость, мужество, умеренность и справедливость), но в определение справедливости включает не только признак разделения по правилу «каждому свое», как у Платона, или по началу равенства, как у Аристотеля, но и признак обобщения [2, с. 15]. Этот признак трактуется им применительно к римлянам из аристократических семей, для которых особое значение имело образование по греческому образцу. Рассуждая об этом образце, Цицерон ставит вопрос о том, кого можно считать достойным наставником, а кого – достойным учеником. Цицерон утверждает, что Платон, как и Ксенофонт, не всегда правильно излагают идеи своего учителя Сократа, равно как и Аристотель, который «много напутал», желая не расходиться во мнениях со своим учителем (Cic. Leg. IV. Ш. 3) [11, с. 71]. Эпикур казался Цицерону далеким от добродетели человеком, поскольку он неуважительно относился к Аристотелю, Тимократу, ученику Сократа Федону, Демокриту и даже «к своему учителю Павсифану, у которого, правда, ничему не научился» (Cic. ND. I.XXIII.93) [12, с. 90]. Оспаривая тезисы эпикурейского учения, Цицерон ставит в вину его основоположнику то, что он не смог получить достойного образования, но учит этому других: «Не пахнет от Эпикура ни Академией, ни Ликеем, не чувствуется в нем даже школьного образования» (Cic. ND. I.XXV.72) [Там же, с. 83].

Сопоставление «греческого» и «римского» позволило Цицерону заложить основы гуманитарного образования, вобравшего в себя идеалы древнегреческой paidea и не противоречащего древнеримской humanitas [5, с. 127].

Ощущение того, что он является популяризатором древнегреческого наследия, не мешало Цицерону время от времени уничижительно высказываться о греках и греческой культуре в целом. Желание слиться с греческой культурой у Цицерона часто переходит в желание дистанцироваться от нее, и оратор начинает подчеркивать национальную идентичность и позиционировать себя как ценящего все греческое, но все же предпочитающего римское. Противоречивые оценки наследия Цицерона стали следствием противоречивых мнений самого оратора: отдавая дань греческой культуре и образованию, он часто приводил аргументы, которые «путались в римском патриотизме» и превращались в критику [18, p. 567].

Вместе с тем сочинения Цицерона являют собой уникальные научно-педагогические исследования, ценные для педагогической теории и практики. Сверхзадача по органичной интеграции древнегреческого образовательного идеала в римское образование и обусловила противоречивое отношение Цицерона как к самому культурному наследию Греции, так и, отчасти, к его хранителям-грекам. Рецепция греческой педагогической культуры находит отражение во многих сочинениях Цицерона, для которых он избирает «аристотелевский вариант» подачи материала, сводя диалоги к монологам, где чередуются «за» и «против». Оценка, данная Цицероном древнегреческой педагогике, не была однозначной, однако она позволила оформиться западной педагогической традиции, вобравшей от paidea и humanitas многочисленные «за» и «против».

Список литературы

1. Бобровникова Т. Цицерон: интеллигент в дни революции. М.: Мол. гвардия, 2006.
2. Коркунов Н.М. История философии права. Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915.
3. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. М.–Л.: АН СССР, 1949. Т. I, годы 68–51. С. 100.
4. Пичугина В.К. Восхождение к гуманной педагогике: παιδεια и humanitas в наставлениях Цицерона // Учитель и его формирование: исторический опыт передачи образованности и культуры: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф.-XXXI сессии науч. совета по проблемам истории образования и пед. науки РАО. Тверь, 6–7 июня 2016 г. Тверь, 2016. С. 302–307.
5. Пичугина В.К., Ширинская К.В. Древнегреческий идеал образованного человека в корпусе сочинений Цицерона // Научный диалог. 2015. Вып. 4(40). С. 124–136.
6. Пичугина В.К. Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике: монография / науч. ред. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ; Калуга: Ваш ДомЪ, 2014.
7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 340.
8. Полякова М.А. К вопросу о педагогической интерпретации концепта *humanitas* // Alma mater (Вестник высшей школы). 2014. № 4.
9. Полякова М.А. Paideia, humanitas и Bildung как ипостаси понимания образования в западной педагогической культуре // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 4. С. 108.
10. Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1974.
11. Цицерон. О государстве // Марк Туллий Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / пер. В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1966.
12. Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты / отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Г.Г. Майоров; пер. с лат. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985. С. 61–190.
13. Цицерон. Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия // Марк Туллий Цицерон. Речи (62–43 гг. до н. э.) / под ред. В.О. Горенштейна. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. II. С. 139.
14. Цицерон. Тускуланские беседы // Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения / пер. с лат., сост.и ред. М. Гаспарова, С.Ошерова и В. Смирина. М.: Худож. лит., 1975. С. 208.
15. Degraff Th.B. Plato in Cicero // Classical Philology. 1940. Vol. 35. No. 2. P. 144.
16. Mitchell T.N. Cicero on the moral crisis of the late Republic // Hermathena. 1984. № 136. P. 39.
17. Montesquieu. Discourse on Cicero / trans. D. Fott // Political Theory. 2002. Vol. 30, №. 5. P. 734.
18. Nicgorski W. Cicero's Paradoxes and His Idea of Utility // Political Theory, 1984. Vol. 12, № 4. P. 567.

* * *

1. Bobrovnikova T. Ciceron: intelligent v dni revoljucii. M.: Mol. gvardija, 2006.
2. Korkunov N.M. Istorija filosofii prava. Spb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1915.
3. Pis'ma Marka Tullija Cicerona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu / per. i komment. V.O. Gorenshtejna. M.–L.: AN SSSR, 1949. T. I, gody 68–51. S. 100.
4. Pichugina V.K. Voshozhdenie k gumannoj pedagogike: παιδεια i humanitas v nastavlenijah Cicerona // Uchitel' i ego formirovanie: istoricheskij opyt peredachi obrazovannosti i kul'tury: sb. nauch. tr. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.-XXXI sessii nauch. soveta po problemam istorii obrazovanija i ped. nauki RAO. Tver', 6–7 ijunja 2016 g. Tver', 2016. S. 302–307.

5. Pichugina V.K., Shirinskaja K.V. Drevnegrecheskij ideal obrazovannogo cheloveka v korpuse sochinenij Cicerona // Nauchnyj dialog. 2015. Vyp. 4(40). S. 124–136.

6. Pichugina V.K. Antropologicheskij diskurs «zaboty o sebe» v antichnoj pedagogike: monografija / nauch. red. G.B. Kornetov. M.: ASOU; Kaluga: Vash Dom##, 2014.

7. Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisanija. M.: Nauka, 1994. T. 2. S. 340.

8. Poljakova M.A. K voprosu o pedagogicheskoj interpretacii koncepta *humanitas* // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2014. № 4.

9. Poljakova M.A. Paideia, humanitas i Bildung kak ipostasi ponimanija obrazovanija v zapadnoj pedagogicheskoj kul'ture // Novoe v psihologo-pedagogicheskih issledovanijah. 2014. № 4. S. 108.

10. Ciceron. Ob objazannostjah // Ciceron. O starosti. O druzhbe. Ob objazannostjah / per. V.O. Gorenshtejna. M.: Nauka, 1974.

11. Ciceron. O gosudarstve // Mark Tullij Ciceron. Dialogi. O gosudarstve. O zakonah / per. V.O. Gorenshtejna. M.: Nauka, 1966.

12. Ciceron. O prirode bogov // Ciceron. Filosofskie traktaty / otv. red., sost. i avt. vstup. st. G.G. Majorov; per. s lat. M.I. Rizhskogo. M.: Nauka, 1985. S. 61–190.

13. Ciceron. Rech' v zashhitu pojeta Avla Licinija Arhija // Mark Tullij Ciceron. Rechi (62–43 gg. do n. je.) / pod red. V.O. Gorenshtejna. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. T. II. S. 139.

14. Ciceron. Tuskulanskie besedy // Ciceron Mark Tullij. Izbrannye sochinenija / per. s lat., sost.i red. M. Gasparova, S.Osherova i V. Smirina. M.: Hudozh. lit., 1975. S. 208.

PAIDEIA and HUMANITAS: reception of the Greek pedagogy in the works by Cicero

The article deals with the features of historical and pedagogic study of Cicero legacy – issues of pedagogic hermeneutic of his works and the way the old Greek model of an educated man is reflected in his philosophic and educational conception. It also gives the historical and pedagogic assessment of the principle "humanitas" covered in the works by Cicero and describes the cases when Cicero referred to the works by Plato and his understanding of the educational model.

Key words: *old Greek pedagogy, upbringing, education, humanitas, paidea, Cicero, Plato, Socrates.*

(Статья поступила в редакцию 06.07.2016)

А.Е. ЩЕГЛОВА
(Ульяновск)

ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ, ПООЩРЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Исторический подход к изучению данной проблемы дает возможность критически оценить прошлый педагогический опыт и обратиться к поиску гуманистических подходов в современном воспитании и образовании детей, что весьма актуально. Концептуально представлены эволюция поощрения и наказания как ведущих методов нравственного воспитания, своеобразие подходов и особенности использования поощрения и наказания в педагогике разных народов. Объективная оценка исторического опыта использования поощрения и наказания позволит не допустить ошибок в современном воспитании.

Ключевые слова: *дисциплина, наказание, поощрение, физическое наказание, жестокое отношение, палочная дисциплина, запрет, упрек, стыд, педагогическая оценка, одобрение, похвала, соревновательность.*

На всех этапах развития человечество поразному относилось к своему прошлому. Одни пытались предать его забвению, другие – переписать заново, разрушив до основания то, что было накоплено лучшими умами человечества, третьи, собирая по крупицам свое духовно-гражданское наследие, хранили его так, как хранят семейные реликвии и все самое дорогое, что есть в душе и сердце человека. Все это можно отнести и к педагогическому наследию нашего Отечества, которое внесло огромный вклад в мировую педагогическую культуру, значение которого еще предстоит оценить нашим потомкам.

Во все времена проблема поощрения и наказания детей в ходе воспитательного процесса была одной из центральных, и ни один из педагогов не обошёл этот вопрос стороной, высказывая своё мнение в педагогических трудах и философских мыслях.

Вопрос о поощрениях и наказаниях в воспитании детей является в педагогике одним из самых запутанных, поскольку, исходя из идеалов гуманизма, ребенка нельзя наказывать ни в коем случае, а поощрением для него должно являться только чувство переживания успеха, ощущение личностного роста.

© Щеглова А.Е., 2016